

ЧТО ТАКОЕ БОГОСЛОВИЕ?¹

Ж.-К. ЛАРШЕ

В настоящей статье известный православный патролог и богослов Ж.-К. Ларше задается вопросом первостепенной важности для христианского богословия — вопросом осмысления собственного предназначения и основных методов православного богословия. Он обозначает главные аспекты богословия — мистичность, эмпиричность, рациональность и дискурсивность; указывает на несводимость богословия лишь к одному из них. Затем автор переходит к вопросу о применимости богословия в Церкви, предлагая для этого свои обобщения: катехизис, апологетика, доксология. Он также затрагивает вопрос о взаимоотношениях богословия с другими типами рациональной рефлексии — философией и литературой. По ходу развития темы поднимается всегда актуальный вопрос о новаторстве и традиционности в богословии. Наконец, логика рассуждения приводит автора к обсуждению духовных условий и церковных обязательств в богословской деятельности. Все размышление французского ученого построено на хорошем знании широкого круга как древних памятников христианской мысли, так и современных богословских и философских текстов.

Вступление

Среди православных, в особенности в монашеской среде, часто наблюдается некоторая настороженность по отношению к богословию. Оно ассоциируется с некоей школьной дисциплиной или же с занятием чисто интеллектуальным, спекулятивным и абстрактным. Богословию противопоставляют жизнь, духовный опыт. Разуму, за которым закрепляется значение богословского инструмента, противопоставляют сердце.

Такое противопоставление получило богатую почву во второй половине XIX и в XX в. в русском сознании, которое обоснованно или безосновательно воспринимается окрашенным больше эмоционально, чем рационально, и которое отмечено в наследии Достоевского в целом и в повести «Записки из подполья» в частности. Он не только восстает на дух рациональности, который называет «Эвклидовым умом», но возвеличивает иррационализм и первичный внутренний опыт.

В монашеских кругах в целом, будь то русские, греческие или какие-либо другие монастыри, созерцание, которое, как предполагается, является производением богословия, противопоставляют деятельности, то есть аскезе; а бого-

¹ Доклад, прочитанный на заседании Научно-методологического семинара Богословского факультета ПСТГУ 27 апреля 2012 г. Перевод с французского П. Б. Михайлова.

словскую деятельность стремятся свести к молитвенной практике, приводя известное утверждение Евагрия: «Если ты богослов, то ты молишься истинно, а если ты молишься истинно, то ты богослов»². Богословскому познанию, которое воспринимается как естественное и человеческое, противопоставляют познание сверхъестественное, почерпнутое в мистическом опыте. Все это может привести к полному отрицанию не только использования разума в рассуждении о Боге и в представлениях о вере в целом, но и самого богословия в его современном понимании. Я сам знаю немало случаев, когда монахи, имеющие некоторое влечение к богословию, мучаются от сознания того, что это влечение предосудительно и подавлено в той среде, в которой они живут.

Можно сказать, что область разума и рациональности в богословской деятельности всегда была сферой напряжения. То, что называют *исихастскими спорами*, в XIV в. имело свое начало в споре Варлаама Калабрийского и Григория Паламы о богословской методологии. Последний, вопреки Варлааму, настаивал в своих «Аподиктических трактатах» на законности доказательства в богословии. Однако можно говорить, что уже в ходе евномианской полемики во времена Великих каппадокийцев Василия Кесарийского и Григория Нисского спор велся вокруг вопроса о возможности познания Бога и применения к нему божественных имен.

Между тем можно полагать, что недоверие по отношению к богословию со стороны многочисленных мыслителей и православных духовных деятелей, обнаружившееся за последние два столетия, в значительной мере объясняется тем обстоятельством, что богословие как на Западе, так и в самом православном мире претерпело немалые искажения.

Известно, что схоластика, начиная со своего учителя Фомы Аквинского (XIII в.) и имея в своей основе аристотелевскую философию, высоко расценивала разум в деле познания Бога и в речи о Боге, так что можно сказать, что с тех пор богословие на Западе как в католическом мире, так и в протестантском стало спекулятивной дисциплиной с почти чисто интеллектуальным характером, подчас чрезмерно абстрактным. К такому пониманию и к такому стилю богословия примешалась католическая и протестантская идея догматического развития, а также соответствующее ей представление о том, что богословие не только может, но и должно быть творческим. Три характерные тенденции западного сознания, возобладавшие начиная с эпохи Ренессанса, а именно натурализм, рационализм и индивидуализм, получили, таким образом, возможность быть выраженными и в области богословия.

Что касается православного мира, то известно, что Россия в XVIII в., при Петре I, затем при Екатерине II, испытала сильное западное влияние, которое усилилось в XIX и начале XX в. Отец Георгий Флоровский в знаменитой книге «Пути русского богословия» ярко обличил это влияние в области богословия, говоря даже о некоем «вавилонском пленении православного богословия». В конце XIX в. и в начале XX в. русское богословие совершенно очевидно приняло форму религиозной философии, высоко рассматривавшей индивидуальное творчество и отдававшей предпочтение немецкой идеалистической философии и некото-

²De oratione 60.

рым эзотерическим движениям перед святоотеческим преданием (В. Соловьев, П. Флоренский и С. Булгаков тому типичные примеры).

Но и другие православные страны также испытали влияние западного богословия, в частности немалое число богословов и епископов начиная с конца XVIII в. получали образование на католических и протестантских богословских факультетах в западных столицах и тем самым оказались отмечены их духом и методами. Даже сегодня в Греции многие затрудняются отчетливо различать область богословия от области философии. Многие богословы полагают необходимым ссылаться не только на античных философов, но и на современных западных философов, а также налаживать сопоставления с их концепциями. Порой они даже насыщают богословие идеями, возникшими в современной философии. Это четко проявляется в новогреческом богословии 1960-х гг., в лице таких мыслителей, как Н. Мацукас, Н. Ниссиотис, П. Неллас, а также мыслителей персоналистского направления, представленных прежде всего Х. Яннарасом и И. Зизиуласом, отмеченных сильным влиянием экзистенциализма, причем не только христианского (Бердяев), но еще и иудейского (Бубер, Левинас) и атеистического (Хайдеггер, Сартр), что предполагает использование порой весьма рационализирующего и абстрактного образа мысли, близкого к философскому складу. В разнородных плодах в конечном счете невозможно распознать ни философскую, ни богословскую составляющие, как с точки зрения содержания, так и с точки зрения формы. Ссылки на патристические источники в тех случаях, когда они не отменяются как несовременные и устаревшие, используются лишь для того, чтобы служить православным прикрытием мысли, которая уже таковой не является ни по своей сути, ни по своему виду.

Ко всему этому надо добавить, что на православных богословских факультетах и в академиях богословское образование порой принимает вид предмета школьного, формального, а иногда оно иссушается и удаляется от жизни духовной и церковной. А то обстоятельство, что оно часто осуществляется мирянами, служит источником дополнительных проблем, поскольку мирянин может быть вовлечен в литургическую и духовную жизнь церковной общины лишь в большей или меньшей степени. Во всяком случае, он не связан так, как клирик с епископом, и тем самым никоим образом не должен отвечать за свои действия в Церкви в той же мере, что и священнослужитель; он располагает такой степенью свободы, что единственным ее ограничением является направление деятельности учреждения, в котором он трудится.

Коротко говоря, та критика богословия, с которой мы сталкиваемся у некоторых православных, в значительной степени оправдана приведенными обстоятельствами. Однако она также содержит в себе опасность устранения богословия и насаждения некоей формы иррационализма и даже обскурантизма, вредного не только для истинного богословия, но и для всей церковной жизни, в которой, как мы видели, богословию предназначена своя необходимая роль. Итак, следовало бы предложить обстоятельное определение того, что есть истинное богословие в соответствии с Преданием Православной Церкви.

I. Наиболее высокий смысл богословия: Богословие мистическое

Для ответа на вопрос «Что такое богословие?» нам следует обратиться в первую очередь к богословию в его наиболее высоком смысле, а именно в смысле мистическом, который для наибольшей ясности мы обозначим греческим словом *θεολογία*. Особенно начиная с IV в. (впрочем, это различие существовало уже у Оригена), святые отцы полагали, что духовная жизнь существует на двух уровнях: на уровне *πράξις*, которая означает аскетическую жизнь в широком смысле, и на уровне *γνώσις*, или познания. *Γνώσις* в свою очередь делится на два типа: *φυσική θεωρία*, или естественное созерцание, то есть познание Бога, исходя из Его проявлений в творении, и *θεολογία*. *Θεολογία* — это прямое познание Бога. Разумеется, не познание Бога в Его сущности, остающейся совершенно непознаваемой, но познание Бога в Его энергиях. *Θεωρία* — это познание, которое может осуществляться посредством разума (*νοῦς*) человеческого и, в известной степени, через рассудок, хотя здесь непременным условием является чистота разума и сердца, а также неподвластность страстям. *Θεολογία* же, напротив, не может быть делом ни рассудка, ни разума, ибо оно имеет дело с божественной реальностью, каковая остается за пределами природы и которую не может постигнуть никакая естественная способность постижения своими собственными силами. Оно может быть лишь плодом божественной деятельности (*ἐνέργεια*). Это познание осуществляется прежде всего посредством разума, а затем — других человеческих способностей, но при этом оно играет роль лишь накопителя. Познание осуществляется посредством самой божественной энергии, сообщаемой человеку от Отца через Сына в Духе Святом. Человек же, для того чтобы божественная энергия могла действовать в нем, должен не только очиститься, но и отказаться от действия природной энергии своих собственных способностей. Вот почему те, кто стяжал это познание, говорят, что оно было им дано Святым Духом, что они осознают присутствие в себе действия Духа, что они имеют в себе *ум Христов* (см.: 1 Кор 2. 16) или же, что уже не они живут, но в них живет Христос (см.: Гал 2. 20). *Θεολογία*, каковая есть некое превышеестественное откровение божественных тайн, есть некое тайноводство (*μυσταγωγία*). Потому оно часто именуется «мистическим богословием» (*μυστική θεολογία*) или «тайноводственным богословием» (*μυσταγωγική θεολογία*). В своем пределе оно соответствует видению Бога, исполняемому в и через Божественный нетварный свет и обоживающему. Именно в этом смысле тесной связи, существующей между видением Бога и молитвой сердца, осуществляемой в состоянии совершенства, — связи, особо подчеркиваемой в исихастском богословии, — и мог Евагрий сказать: «Если ты богослов, то будешь молиться истинно, и если ты истинно молишься, то ты богослов»³.

Вполне очевидно, что опыт подобного рода *θεολογία* есть явление достаточно редкое; им обладают лишь святые. Он распространяется лишь на нескольких человек в поколении, которые нечасто о нем говорят, к тому же этот опыт невыразим. В действительности слова всегда ограничены и применяются к конечным

³De oratione 60.

реальностям, тогда как мистическое богословие отсылает к опыту таких реальностей, которые превосходят природу и ее ограниченность. Таким образом, речь идет о таком познании, которое превосходит разум и тем самым не может быть обозначено ни понятиями, ни построениями, выражаемыми в словах.

Итак, если ограничить богословие *θεολογία*, как порой поступают некоторые православные монахи в духе крайнего максимализма, то богословие *de facto* станет невозможным. В то же время присутствие богословия во всех областях жизни и истории Церкви показывает нам, что богословие не сводится лишь к *θεολογία*.

Однако остается несомненным, что *θεολογία* может и должна служить в известной мере неким образом или парадигмой для богословия. *Θεολογία* должна оставаться целью и итогом богословия, и последнее не может без нее достичь своего полного смысла и значения.

II. Применение богословия в Церкви:

Богословие катехизическое, апологетическое и доксологическое

Помимо этого возвышенного смысла, доступного лишь самому малому числу верных, богословие с первых веков получило также три другие формы, в равной мере присущие греческому слову *θεολογία*, взятому в широком смысле как «слово» и «речь», относящиеся к Богу; богословом (*ὁ θεολόγος*) в таком случае является тот, «кто говорит о Боге».

1. К истокам богословия: богословие катехизическое

Можно сказать, что первоначально богословие имело форму катехизиса. Разумеется, церковное оглашение представляет собой широкую совокупность наставлений в различных областях, относящихся к вере и христианской духовной жизни. Однако при этом очевидно, что повествование о Боге составляет здесь существенное место и даже все к нему сводится.

Первоначально катехизис относился к компетенции епископа, учительство которого является одним из основных признаков его служения. Оглашение совершалось в тех же самых церковных стенах, после литургии для верных и вне ее для оглашенных.

После того как сформировались приходы, священники как уполномоченные епископом исполняли это огласительное служение. Затем этим занимались в равной мере и миряне, имевшие поручение от епископов или священников. Чтобы ограничиться наиболее известным примером, упомяну Оригена (III в.), который был одним из таких мирян. Вместе с тем следует отметить, что церковные каноны не только не давали права мирянам проповедовать в церкви, но даже, как кажется, публично преподавать вне церковных стен. Некоторые каноны отказывали в такой возможности даже клирикам, сохраняя ее лишь за епископом⁴.

Значительное число патристических памятников (как, например, творения св. Кирилла Иерусалимского или св. Иоанна Златоуста) имеют форму гомилий,

⁴Трульский собор 19, 64. Согласно комментарию 64-го правила Вальсамона, члены клира сами находятся в статусе учащихся, а не учащих, в том же смысле, что и миряне.

назначение которых носит выраженный катехизический характер. Некоторые богословские произведения великих богословов, как «Точное изложение православной веры» прп. Иоанна Дамаскина, относятся к тому же жанру, что и катехизическое богословие, предназначенное для образования не только детей и взрослых, которые готовятся стать христианами, но и для всех верных, желающих углубить свою веру, а также может быть предназначено для ознакомления с православной верой тех, кто находится вне Церкви.

2. Историческая потребность в апологетическом богословии

Второй формой, воспринятой богословием, стала форма апологетическая, заключающаяся в защите веры. Эта форма имеет две стороны: первая состоит в опровержении ересей, а вторая соответствует изложению истинного учения. Можно сказать, что большая часть богословских сочинений, дошедших до нас от святых отцов, относится к этой форме богословия.

Эта форма богословия не является результатом выбора того или иного богослова. Она всегда обусловлена внешними обстоятельствами. Чрезвычайно рано в Церкви стали появляться ереси, иными словами, ошибочные способы познания Бога и высказываний о Нем. Еретические учения были не просто «оскорблениями Бога», но они подвергали опасности церковную жизнь и ставили под сомнение спасение верных. Так что их опровержение было настоятельно необходимо.

Эта необходимость обусловила использование определенных методов, способных осуществить должное опровержение. Коль скоро речь шла о переубеждении еретиков в их заблуждениях, а также в предостережении верных, которые могли им последовать, богословию часто приходилось прибегать к рациональному способу рассуждения, используя логические правила и заимствуя принципы рационального мышления: строгость, последовательность, точность, ясность. Если обратиться к сочинениям святых отцов, направленным против ересей, мы обнаружим, что они использовали рациональные процедуры, основанные на (научном. — *Примеч. пер.*) доказательстве. Например, прибегая к правилам логики, они показывают противоречивый характер некоторых утверждений еретиков или абсурдные выводы, к которым приводят их утверждения. Поскольку ереси являлись «искажениями» и «смещениями» в понимании истин веры, богословие, приступая к их опровержению, должно было проследить их блуждания, к чему оно не имело иного повода. Оно вынуждено было использовать словарь, приспособленный к идеям еретиков, которым в ином случае оно бы не воспользовалось, или же использовать философский словарь, для того чтобы ввести новые различия либо сделать дополнительные уточнения для выражения содержания истинной веры. В целом оно вынуждено было подчас подниматься до такого абстрактного и изощренного уровня выражения, которого оно в других случаях избегало. Так, например, если мысль прп. Максима Исповедника представляется столь сложной, то это объясняется тем, что монофелиты и моноэнергисты разрабатывали понятия чрезвычайно сложные и одновременно запутанные, чтобы обосновать свои ложные представления об одной энергии и одной воле во Христе. Хорошо видно, что когда прп. Максим не был вынужден при-

способливаться к особенностям богословских построений еретиков, его мысль и способы выражения носят исключительно ясный характер, как в его «Сотницах о добродетели» или в «Слове о подвижнической жизни». В качестве другого примера можно привести ту разницу, которая существует между труднейшими сочинениями свт. Григория Паламы, где он опровергает ложные представления Варлаама и Акиндина, и его же проповедей, произнесенными в конце жизни епископом Фессалоникийским, отмеченными замечательной ясностью и простотой и при этом выражающими совершенно то же богословие.

3. Богословие доксологическое

Третьей формой богословия является богословие доксологическое, то есть богословие славословия.

Эта форма богословия обнаруживается в некоторых патристических памятниках. Наиболее известные примеры — *Поэмы* свт. Григория Богослова и *Гимны* прп. Симеона Нового Богослова. Можно упомянуть, что только эти святые отцы удостоились вместе с евангелистом Иоанном атрибутива богослова, присвоенного их именам. На каком основании? Св. Иоанн вовсе не был более великим богословом, чем св. Лука, св. Матфей, св. Марк или св. Павел. Так и св. Григорий Богослов вовсе не был более великим богословом, чем свт. Василий Великий, а прп. Симеон Новый Богослов не был более великим богословом, чем свт. Григорий Палама. Нельзя полагать, что они были названы богословами, потому что имели опыт *θεολογία*, созерцали видение Бога. Другие святые отцы также имели подобное видение Бога и тем не менее не были названы «богословами». Этот атрибутив, предполагающий и отражающий их познание, а также самый непосредственный и высокий опыт Бога, которым они обладали, объясняется также формой некоторых из их произведений: а именно формой поэтической, изобилующей метафорами и символами. Без всякого сомнения, такой язык в наибольшей степени подобает богословию. И не только его красота свидетельствует о Красоте Божией, но и символы, к которым они прибегают, одновременно открывают Бога и соблюдают тайну Сына. Они одновременно являют два измерения: катафатическое и апофатическое, которыми должно обладать богословие. Богословие катафатическое заключается в утверждениях относительно Бога, отсылая к свойствам Бога, явленным в Его нетварных энергиях. А богословие апофатическое состоит в отрицаниях, дабы подчеркнуть, что Бог не имеет ничего общего с каким-либо тварным существом, что Его свойства находятся за пределами нашей мысли или воображения (что Он не благ подобно прекрасным вещам, ибо Он бесконечно более прекрасен, чем самые прекрасные из людей и так далее), а также чтобы указать, что Он в своей сущности остается совершенно непостижимым и невыразимым. В другом случае станет ясно, что подобные сочинения часто имеют форму молитвы. В них богословское познание, духовный опыт и молитва теснейшим образом взаимосвязаны.

Доксологическое богословие также содержится в литургических текстах. Здесь мы обнаруживаем стилистическую красоту, широкое использование символов и метафор. Эти тексты, будучи по большей части поэтическими со-

чинениями, самым непосредственным образом предназначены для созерцания и молитвы. Вместе с тем они обладают догматическим содержанием. Благодаря этому обстоятельству они являются выражением православной веры, в одно и то же время обладающей апологетическим и катехизическим значением.

В богослужебных чинопоследованиях богословие также самым тесным образом связано с духовным опытом и молитвой. Вместе с тем оно напрямую сопряжено с церковной жизнью, тем самым мы вновь возвращаемся к тому, что богословие не может быть изолировано от жизни, опыта и всей полноты церковной веры.

III. Богословие и философия

Мы уже видели, что апологетическое богословие часто оказывалось перед необходимостью использования рационального типа рассуждения для действенного ответа еретическим учениям, оно не только признает правила формальной логики, но и учитывает сами свойства рациональной мысли, а также прибегает к понятиям, заимствованным из философии.

Для этого богословам, занимающимся апологетическим богословием, полезно иметь философское образование. Подобное образование в равной мере необходимо для лучшего понимания образа мысли и представлений еретиков, а также для понимания апологетических сочинений святых отцов, чье мышление само по себе весьма сложно и которое широко пользуется отвлеченными понятиями философского типа. Например, философское образование может значительно облегчить знакомство с творениями св. Дионисия Ареопагита, прп. Максима Исповедника или свт. Григория Паламы.

Однако из этого вовсе не следует, что богословие и философию должно смешивать. В действительности они имеют весьма различные основания, методы и цели.

Философия — это научная дисциплина, которая целиком опирается на разум и имеет своим исключительным источником способность естественной рациональности человека. Богословие пользуется разумом как неким инструментом, но опирается на данные, происходящие не из разума как такового, но из Откровения, засвидетельствованного Преданием, то есть в один и тот же момент Священным Писанием, творениями святых отцов, вероучительными определениями соборов и всей совокупностью церковного учения.

Философская рефлексия строит свой объект целиком на творческих и дедуктивных способностях разума. Богословие же, напротив, описывает «объект», уже данный. Усилия, которые оно предпринимает, не сводятся к тому, чтобы ввести какую-либо новую теорию или «новую истину», но разъяснить истины веры, переданные Церковью и сообщенные ей Христом и Святым Духом ради тех, кто их не понимает или понимает плохо.

В лоне Церкви не существует новых богословских учений, которые добавляются одно к другому или опровергают одно другое, но используются новые выражения одного и того же богословия, тогда как в истории без конца появлялись новые философские доктрины, низлагавшие предшествующие, — всякая философия, как говорил Лейбниц, воздвигается на обломках своей предшественницы.

Величие богослова заключается в том, что он сумел отстоять одну и ту же Истину перед теми представлениями, которые ее искажали (или, иначе говоря, перед ересями), или в изложении одной и той же Истины на языке, приспособленном к людям своего времени, либо же в выявлении тех сторон одной и той же Истины, которые отвечали бы на особенные потребности своей эпохи, тогда как величие философа сводится к тому, что он изобрел новую теорию, новый взгляд на мир.

Наконец, философия исходит из одних вопросов, чтобы, используя все возможные повороты мысли, поставить новые вопросы. Философ Бертран Рассел, например, пишет: «Ценность философии должна основываться на самой переменчивости ее природы». Что же касается богословия, то оно исходит из достоверности веры, настаивая лишь на том, чтобы прочнее ее установить, в связи с тем что она ставится под сомнение, прояснить ее в тех отношениях, в которых она подвергается замутнению, выразить ее там, где она подвергается ложным толкованиям, паразитирующим на имплицитном и двусмысленном характере прежних формулировок.

IV. Богословие и литература

Что касается доксологического богословия, то мы видели, что оно пользуется поэтическим стилем, прибегая к символам и метафорам. Тем самым мы вынуждены задаться вопросом, в чем оно отличается от литературы.

Прежде всего мы можем сказать, что литературная одаренность чрезвычайно полезна для этого типа богословия. Как и красота музыки или иконографических изображений, прекрасный стиль в значительной мере способствует явлению Красоты Божией. Подобный талант обладает также возможностью тронуть сердце и тем самым, в некотором смысле, легче привлечь к истинам, выраженным в поэтических произведениях, а с другой стороны, дает возможность легче молиться не только разумом, но еще и сердцем.

Как известно, талант нельзя приобрести путем обучения. Это дар. В литературе это дар, который называют «природным», однако отчасти он оказывается результатом индивидуальной психологической предрасположенности, формируемой в детстве и иногда заглушаемой (что бывает связано с различными конфликтами, травмами или же с тяжкими семейными обстоятельствами). В богословии же речь идет о некоем благодатном даре, даре Святого Духа.

Более того, у нецерковного писателя талант является способностью исключительно индивидуальной, тогда как у гимнографа эта способность связана с тем предназначением, которое указано Богом для Церкви.

Литература есть плод авторского воображения. Она выражает его чувства, влечения, страхи, тоску, внутренние конфликты, агрессивность, страсти... Она выражает также его неудовлетворенность неясностью своего предназначения.

Литература выражает, прежде всего, как по содержанию, так и по форме авторскую индивидуальность; она придает ему неповторимое значение. Как и всякое искусство, она есть в первую очередь возвеличение самого артиста. Когда она признана, она устанавливает и поддерживает признание и славу артиста.

Доксологическое богословие никоим образом не находится на службе своего автора, который совершенно теряется за выражаемыми истинами. Эти истины не суть «истины» индивидуальные, они не являются выражением индивидуального психологического состояния, не есть производное его воображения, не выражение бессознательного, но всеобщая Истина, которую Церковь выражает также другими средствами, которыми она располагает, как иконография, проповедь или другие формы богословия.

«Мистические богословы», о которых мы упоминали, такие как свт. Григорий Богослов или прп. Симеон Новый Богослов, несомненно, лично присутствуют в известном смысле в своих поэмах или гимнах, они придают им свои неповторимые особенности. Но при этом очевидно, что в этом выражении личного опыта их индивидуальность совершенно затмевается, что они совершенно проникаются сверхъестественными откровениями, воспринятыми от Святого Духа, и что они свидетельствуют не о самих себе, но о Боге, с Которым пребывают и Который пребывает в них. Большая часть гимнов, в которых прп. Симеон Новый Богослов отражает свой мистический опыт, чрезвычайно скоро оборачивается в славословие. Таким образом, личная молитва святых становится той же формой церковной молитвы, впрочем, часто гимны славословия святых настолько глубоко вплетены в богослужебные последования, что их бывает невозможно отличить от других текстов.

V. Творчество и верность Преданию

Предшествующие рассуждения привели нас к уточнению вопроса о верности Преданию и о творчестве в богословии.

1. Необходимость для богословия быть верным Преданию

Совершенно очевидно, что первостепенный признак богослова — это верность Преданию. Существуют три столпа Предания — Священное Писание, соборы и святые отцы. Они глубоко взаимосвязаны и поясняются друг через друга. Можно утверждать, что все, что мы знаем о Боге, находится в Священном Писании, однако при этом мы знаем, что Писание в некоторых отношениях остается недосказанным и неясным. Нам известно, что псевдохристианские секты широко опираются на Писания и что все еретики настаивали на том, что их представления основаны на Священном Писании. Стало быть, Священное Писание имеет потребность в том, чтобы быть истолкованным, его определения должны быть раскрыты. Именно этой потребности удовлетворяют писания святых отцов и определения соборов. Однако нам известно, что соборы высказались не обо всех истинах веры, но лишь о тех, что были оспорены или искажены еретическими учениями. Тем самым соборы не являются исчерпывающе достаточным основанием для познания Бога и богословия. Они нуждаются в восполнении тем, что говорит Священное Писание и учение святых отцов. Творения отцов, хотя они говорят почти обо всем, имеющем отношение к христианской вере, и часто весьма точны и досказаны, однако их следует читать и понимать в свете Писания

и соборов, ведь мы знаем, что еретики обильно цитируют святых отцов, что само по себе указывает на возможность неправославного их прочтения.

А между тем возможно иметь глубокое знание одновременно Писания, соборов и отцов и при этом придерживаться учения, не являющегося православным. Тем самым следует подчеркнуть, что другим базовым условием верности Преданию является верность учению Церкви, которое в Православной Церкви понимается как учение Церкви во всей ее полноте и кафоличности. Здесь стоит вспомнить фундаментальный принцип, сформулированный прп. Викентием Леринским: «В самой же кафолической Церкви особенно должно заботиться нам о том, чтобы содержать то, чему верили повсюду, всегда, все»⁵.

Церковное учение познается не только через книги. Это учение живое, ибо оно есть живое осознание Церковью своей собственной веры. Так что богослов может его постигнуть и принять лишь через жизнь в Церкви и через собственный опыт того, чему учит Церковь. Он одушевлен этим сознанием, воспринятым благодаря тому, что верный член Церкви пребывает в общении со всеми другими членами — со главой и всем телом, каковыми являются Христос и Дух Святой, оживляющий тело, о чем богослов может свидетельствовать от полноты веры Церкви, ее защищать, излагать, выражать и осуществлять тем самым свое богословское дело.

2. Значение и пределы творческого начала в богословии

Коль скоро Предание есть само по себе живое сознание, которое Церковь имеет о своей собственной вере, которым она обладает и передает из поколения в поколение, то верность Преданию не предполагает консерватизма, который есть некое боязливое охранение прежних изложений Истины. Совершенное почтение к содержанию веры должно сочетаться у богослова со способностью выражать это содержание по-новому, если того требуют обстоятельства. Именно этому учит нас сама жизнь Церкви с первых дней своего существования. Слова «сущность», «природа», «ипостась» и даже слово «троица» не упоминаются в Священном Писании. Возникновение ересей вынудило богословов создать новые слова и сообщить на многие столетия дальнейшее развитие триадологии и христологии, дабы уточнить христианскую веру. Всякая эпоха и всякое общество имеют свои собственные вопросы, требующие, чтобы Церковь дала на них ответы в подходящих выражениях. Тем самым богословие должно являть известные способности к творчеству, как потому, что Церковь есть живой организм, так и потому, что мир, в котором она живет, непрестанно меняется. Это вовсе не означает, что богословие должно воспринять все представления мира и даже его язык.

Богословское творчество, если оно отличается от консерватизма, никоим образом не должно занять позиции модернизма, ослепленного современным миром, подхватывающего его идеи и характерные особенности и всегда признающего ценность за созданием новых представлений.

Творчество в богословии никогда не затрагивает собственно содержания веры, но лишь его выражение. Новое в богословии может заключаться лишь в

⁵ Commonitorium 2.

некоем выражении догмата, но не в его развитии — в этом отношении православная позиция существенным образом отличается от римо-католических и протестантских представлений. Для осуществления этого выражения богословие должно прибегать к новым идеям, которые оно часто заимствует в старых и новых философских традициях. Но оно всегда «переваривает» эти новые средства выражения, придавая им христианский смысл и ставя их, таким образом, на службу Истине; точно так же обстоит дело и со словами обыденного языка, воспринятого как через богословие, так и через литургию.

Вместе с тем богослов должен следить за тем, чтобы эти новые представления не стали бы преобладать, закладывая основы для некоей системы или идеологии, вымещающей традиционное богословие, нарушая тем самым его равновесие, ибо в таком случае велика опасность появления заблуждений, ересей и даже еретических систем (что наблюдается, например, в софиологии Сергия Булгакова, в которой София поставлена настолько высоко, что венчает учение, как некий вид четвертой ипостаси в Святой Троице⁶ или в равной мере в персонализме, развитом Х. Яннарасом и И. Зизиуласом на основе персоналистской и экзистенциалистской философии — они придали концепту личности, понятому в особенном смысле, исключительное значение, противопоставив его сущности и природе, и тем самым нарушили хрупкое равновесие, выработанное в течение многих столетий в православной триадологии и христологии, впад, таким образом, в многочисленные ошибки)⁷.

VI. Духовные условия богословской деятельности

Предшествующие рассуждения привели нас к необходимости уточнить, какими духовными качествами должен обладать богослов.

Богословие есть церковное служение, иными словами, деятельность для Церкви, для всех членов Церкви, но и для всех людей вообще, живущих в мире, к которым обращена Истина, открытая и явленная во Христе.

Это означает, что богослов должен обладать двумя принципиальными качествами — любовью к Богу и ближнему, а также смирением.

Богослов должен являть смирение, поскольку он должен совершенно истощиться перед Истиной, которую он выражает, перед Церковью, которая во всей своей полноте является обладательницей Истины, и перед Богом, который и есть сама эта Истина.

Богословское дело никогда не должно исходить из частной инициативы или выражать индивидуальную истину. Богослов должен приступать к занятиям богословием всегда только по божественному вдохновению и по велению обстоятельств, а именно в соответствии с нуждами Церкви в тот или иной момент времени. Богословие не обусловлено каким-либо частным желанием или индивидуальным вдохновением, подобно спонтанной деятельности артиста.

⁶ См.: *V. Lossky. La controverse sur la Sophia. Le Mémoire de l'Archevêque Serge Boulgakov et le sens du Décret du Patriarcat de Mosou. P., 1936; Лосский В. Н. Спор о Софии. «Докладная записка» прот. С. Булгакова и смысл Указа Московской Патриархии // Он же. Спор о Софии. Статьи разных лет. М., 1996. С. 7–79.*

⁷ См.: *Larchet J.-C. Parsonne et nature. P., 2011. P. 206–396.*

Смирение — это также необходимое условие практической стороны богословской деятельности, ибо оно исключает всякое желание со стороны богослова придать себе какое-либо значение, прославиться или обрести признание через свою деятельность, развивая, например, какую-либо новую идею или новое учение. Ереси во многом имели своим источником непонимание того или иного аспекта веры, но в неменьшей степени самомнение ложных богословов, являющихся таковыми изначально. Это самомнение проявляется не только в желании изобрести что-либо новое, но также в попытке выдать себя за судью Предания, ограничить соборные решения Церкви, взвесить мысль святых отцов, как если бы они были обычными авторами, или же поставить себя с ними на один уровень.

Смирение же, напротив, оборачивается глубоким почитанием текста Священного Писания, постановлений соборов и слов отцов. Богослов должен всегда стремиться войти в непрерывное единство с их учением и всегда проверять себя, соответствует ли то, что он говорит и пишет, Преданию Церкви во всем его протяжении. Все отцы дают нам пример подобного образа мысли.

Кроме того, смирение необходимо богослову, чтобы избегать посягательств (и обманчивого представления) знать о Боге все и проникаться почитанием тайны в непрестанном осознании того, что Бог непостижим в своей сущности и что самые содержательные, прекрасные и глубочайшие выражения лишь весьма бедно отражают то, что Он есть.

Непрестанно обращаясь к Священному Писанию и к творениям святых отцов в духе смирения и пребывая в церковном лоне, богослов формируется для богословия и достигает того, что должно направлять всю его деятельность: православное сознание и безошибочный «православный инстинкт», позволяющий ему, с одной стороны, пребывать в истине, а с другой — указывать на чуждое православной вере и угрожающее ей.

Подобная «богословская проницательность» не достигается лишь через рассудочное чтение Священного Писания и творений святых отцов. Она обретается в чтении духовном, осуществляемом в единстве рассудка, разума и сердца, не только в духе смирения, но и в молитве.

Молитва в самом общем смысле потребна для стяжания от Бога необходимого дара ради исполнения истинного богословия.

На самом деле осуществление истинного богословия сопряжено с некоей харизмой, с неким даром, сообщаемым отдельным верным Святым Духом ради церковного служения (см. 1 Кор 12. 30). Дары раздаются от Бога тем или иным верным в тот или иной момент времени, для тех или иных потребностей Церкви. Порой верные оказываются достойными даров, принятых ими, иногда они их получают еще до того, как их получили, однако в таком случае они должны постараться тотчас стать достойными, насколько это возможно.

Богословие предполагает, что тот, кто им занимается, ведет жизнь, согласную с Тем, о Ком он свидетельствует. Это означает, что он должен исполнять заповеди Христа, иными словами, как это называется в терминах аскетической жизни, бороться со страстями и жить добродетельно, ибо добродетельная жизнь есть жизнь во Христе, каковой есть, как говорит прп. Максим, «существо всех добродетелей», подателем которых является Святой Дух.

Лишь борьба со страстями дает богослову возможность достигнуть необходимой внутренней чистоты для получения верного богословского представления и тем самым стать достойным стяжания благодати, наполняющей это представление. Смирение и милосердие как добродетели, существенные для богослова, издавна полагаются отцами на вершине иерархии добродетелей и тем самым предполагают осуществление всех прочих, точно так же как и борьбу со всеми страстями, которые им противостоят и мешают проявиться.

Ортодоксия неразрывно связана с ортопраксией. Как верно и обратное: ортопраксия напрямую связана с ортодоксией. Богослов может иметь верное и правильное представление и слово, лишь имея верный и правильный образ жизни.

Тем самым понятно, что богословие, с точки зрения того, кто его практикует, неразрывно связано с духовной жизнью во всей ее полноте, притом что духовная жизнь сама по себе неразрывна с жизнью в Церкви, где христианин черпает благодать, без которой только его усилие ничего не дает.

VII. Богословие и иконография

В качестве заключения, чтобы обобщить все сказанное мною, а также для того, чтобы окончательно порвать с интеллектуалистским характером, который часто приписывается богословию, я бы хотел отметить, что богословие близко к иконографии, как мне это объяснил уже довольно давно мой друг Леонид Александрович Успенский. Принципиальное отличие лишь в том, что богословие выражает посредством понятий и слов то, что иконография выражает через форму и цвет. Обе эти дисциплины состоят на службе церковного просвещения и стремятся не только изложить, но и защитить веру. После двух иконоборческих споров стало видно, что богословие и иконография находились в союзе во имя защиты учения о Боговоплощении. Иконография, также как и богословие, может иметь катехизическое, апологетическое и доксологическое назначение.

Обе церковные дисциплины сталкиваются с двумя опасностями: с одной стороны, с формалистским консерватизмом и закостенелостью, с другой — с маловерным и неправомочным модернизмом. Во избежание обеих опасностей следует, сохраняя глубокое почитание Предания, оставлять место творческому началу для выражения той же Истины, преодолевающей время и пространство, прибегая к различным выразительным средствам, приспособленным к разным культурам и разнообразным эпохам.

Обе эти церковные дисциплины требуют от тех, кто ими занимается, глубокого погружения в церковную жизнь, глубокого смирения и глубокого послушания к тем, кто в них наставляет, а также глубокого почитания по отношению к их преданиям. Обе дисциплины предполагают от тех, кто ими занимается, некоторый «аскетический» опыт; они должны ими заниматься в состоянии внутренней чистоты и в молитвенном единстве с Богом и святыми отцами. Обе являются выражением одной и той же благодати, сообщаемой Святым Духом избранным верным ради служения Церкви и большего прославления Пресвятой Троицы.

Ключевые слова: богословие, теология; богословие мистическое; богословие катехизическое, апологетическое, доксологическое; философия, литература; предание и творчество.

WHAT IS THEOLOGY?

J.-C. LARCHET

In this article, the well-known Orthodox patristic scholar and theologian Jean-Claude Larchet explores some fundamental questions in Orthodox theology especially touching on its aims and methods. For him, the most vital aspects of theology include its mystical, empirical, rational, and discursive qualities. He shows that theology must take into account all these aspects and not just one of them. The author then turns his attention to the question of the place of theology in the Church, finding at least three areas where theology is helpful: catechesis, apologetics, and in the liturgy of glorification (doxologia). He also discusses the relationship of theology to other rational sciences: philosophy and literature. Always important for the author is the question of innovation and tradition in theology – a theme which is vital for contemporary minds. Logical assumption brings the author to a discussion of the place of spirituality and ecclesial obligations in the formulation of theology. The French theologian stresses the need for a theologian to have a solid knowledge of both ancient Christian texts as well as of contemporary theological and philosophical literature.

Keywords: theology, mystical theology, catechesis, apologetics, liturgy, philosophy, literature, tradition and creativity.